

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕКСТА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

DISTINCTIVE FEATURES OF THE IMAGE OF A RUSSIAN TEXT

ЕЛЕНА ЛЕВЧЕНКО, СВЕТЛАНА ПОЛЯКОВА

ABSTRACT. The main task of our scientific research was to compare processing the texts in Russian and English languages. In our experiments 210 native Russian speakers were asked to draw “a text in Russian” and after that to draw “a text in English”. The study demonstrates the existence of the mental representations of the text and the culture, the text and the language and the text and the speech. The representation of a Russian text is more positive, detailed, intensive and is closely connected with Russian culture and history (in comparison with the representation of an English text).

Елена Левченко, Светлана Полякова, Пермский государственный университет, Пермь – Россия.

Взаимодействие субъекта с текстом в современном обществе имеет две главные особенности. Первая из них состоит в том, что не тексты присутствуют в мире субъекта, а субъект живет в мире текстов. Они сыплются на него, как из рога изобилия, отодвигая на задний план мир физических вещей, делая его виртуальным. Вторая особенность заключается в том, что из-за обилия текстов время взаимодействия субъекта с конкретным представителем этого множества оказывается весьма ограниченным. Как только субъект настраивается на один текст, появляется другой, за ним третий и т. д. Каждый из них манит, соблазняет, а высокий темп современной жизни диктует свои условия, принуждая гнаться за количеством. Процессы, происходящие в современном мире, сделали высоко вероятной встречу субъекта с иноязычными текстами. В России субъект больше не может скрываться в уютном коконе русского языка. Тексты на иностранном языке (преимущественно англоязычные) вторгаются не только в сферу обучения и профессиональной деятельности, но и в повседневность, навязчиво предлагая себя с вывесок и рекламных щитов, назойливо мелькая в надписях на продуктах и товарах, попадаясь на глаза в инструкциях к бытовым приборам.

Изобилие текстов в сочетании с ограничениями по времени во многих случаях превращает взаимодействие с текстом из понимания в восприятие. Понимание предполагает неспешное соразмышление с возможностью движения вглубь, неторопливое обнаружение скрытых в ставшем на время един-

ственным тексте уникальных смыслов. Восприятие же – это стремительное движение по поверхности текста, его сканирование, схватывание в целом, выделение типичных черт, быстрая оценка и принятие решения об его присоединении к той коллекции, которая уже составлена субъектом из нужных ему текстов. Требование экологической валидности (соответствия исследовательской ситуации реальным жизненным условиям) заставляет с изменением характеристик взаимодействия субъекта с текстом менять акценты в эмпирических исследованиях. По-видимому, становится необходимым детальное изучение феноменологии восприятия текста. Эта цель определяет направление исследований, которые ведутся на кафедре психологии Пермского государственного университета.

Выполняемые исследования основываются на положении о необходимости разведения восприятия и понимания текста, выделения и подчеркивания специфики первого из психических процессов. Если изучают понимание текста, используют оценочный подход. В этом случае главная цель состоит в том, чтобы определить, насколько предъявленный текст сохранен субъектом. Текст-стимул выступает как эталон правильности сбережения, с которым сопоставляются его субъективные отображения. Исследование восприятия текста предполагает отказ от подобного подхода. Цель меняется: важно зафиксировать не сбережение текста, а отклик на него, след его присутствия в жизни субъекта (не обязательно когнитивный, возможно, аффективный или конативный).

Найдены методические приемы, позволяющие надежно разводить восприятие и понимание текста, моделировать ситуацию, запускающую первый из названных процессов¹. Это, прежде всего, ограничения по времени при работе с текстом. Кроме того, процедура исследования должна предполагать обработку большого количества разнообразных текстов (например, при использовании метода свободной классификации). Может быть использовано также составление текста из отрывков (предъявление отрывков препятствует движению вглубь текста, заставляет стремиться обозреть текст в целом). Применимы и высоко ценятся любые способы выражения испытуемым своего отношения к тексту (субъективное шкалирование, свободное описание, рисунок). Стимульным материалом всегда служат завершённые авторские тексты. Некоторые из подобных приемов применялись в психолингвистике и ранее, однако видение открывающейся в эксперименте реальности, способы ее интерпретации были иными: доминировала позиция изучения репродукции (сбережения) текста субъектом.

Одно из направлений наших исследований – сравнение восприятия текстов на русском и иностранном (английском) языках. Цель работы состоит в изу-

¹ Л.В. Ш и р и н к и н а, *Восприятие текста как психологическая проблема*, дисс. ...канд. психол. наук, Пермь 2004.

чении ментальных репрезентаций этих двух видов текста и в составлении образных и вербальных словарей, к которым обращается субъект при восприятии текста. Одной из задач является установление сходства и различия в ментальных репрезентациях текстов на русском и иностранном языках, в имажиконах и лексиконах, к которым обращается субъект, воспринимая каждый из названных видов текстов.

В исследовании приняли участие 210 студентов как гуманитарных, так и естественнонаучных факультетов Пермского государственного университета, для которых русский язык является родным, а английский язык изучался или изучается как иностранный. Средний возраст испытуемых – 20,2 года. Участникам исследования было предложено нарисовать, каким им представляется текст на русском языке. Подчеркивалось, что умение рисовать не имеет значения. После завершения рисунка испытуемых просили написать краткий словесный комментарий к изображенному (по желанию). Далее следовало аналогичное задание для текста на английском языке.

Полученные эмпирические данные были соотнесены с понятием образа текста, которое активно используется в отечественной психолингвистике, в моделях восприятия текста². Однако до сих пор это понятие выступало преимущественно как метафора. Его эмпирическое содержание не изучалось.

Результаты исследования показали, что объемы словарей образов, полученных для обоих видов текстов, примерно равны (208–209 единиц). Качественный анализ данных позволил выдвинуть предположение о том, что при передаче в рисунке образа текста на родном и иностранном языке испытуемые обращаются к единому банку образов (имажикону), из которого запрашивают как общие для обоих видов текстов элементы, так и специфичные. В число наиболее часто запрашиваемых **общих элементов** входят изображенная листа бумаги, книги, лица, вопросительных знаков, компьютера.

Можно отметить также общность не только отдельных элементов, но и стратегий отображения. Примером может служить стремление части испытуемых отобразить текст не только как некий результат предшествующей деятельности, но и как процесс. Развитие текста (отождествляемого испытуемыми с языком) „в филогенезе” отражено в обращении к архетипу дерева с мощными корнями и зафиксировано в вербальных эпитетах, сопровождающих рисунок („мощный”, „древний, великий, могучий”, „огромный, могучий как дерево, но от того не менее живой”). Историчность подчеркивается также рисованием букв с написанием, принятым в далеком прошлом, в использовании в иллюстрациях буквы „ять”. Помимо филогенетического, в рисунках может быть избран актуально-генетический ракурс. В этом случае имеют место по-

² А.А. Лео н т ь е в, *Восприятие текста как психологический процесс*. В: *Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия*, Киев 1979; З.И. К л ы ч н и к о в а, *Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке*, Москва 1983; Л.В. Ш и р и н к и н а, указ. соч.

пытки отразить процесс текстопорождения: изображается перо и то, что из него рождается (чернильница, бумага); текст может возникать в процессе перевода, который передан через рисование лупы и словаря. Процессуальность передается введением в рисунок таких деталей, как часы, книга, свечи, месяц.

К **специфичным элементам** с относительно высокой частотой встречаемости относятся для русского текста – рисунки пера и чернильницы, улыбки на изображенном лице, для английского – изображения стены, замка, часов, башни или крепости, замка, схематичной фигурки человека, волос на голове, вставших дыбом. Интересно отметить, что русский текст ассоциируется у испытуемых с фигурами и лицами людей обоих полов при преобладании женских, в то время как иностранный – исключительно с мужскими. Это различие отчетливо сформулировано в одном из комментариев к выполненным рисункам: „С англ. языком (с мальчиком) я не могу найти общий язык. А с русским (девочкой) – я могу”. В прокомментированном рисунке привлекает внимание такая деталь, как волосы. У мальчика (английский текст) – волосы дыбом, в целом демонстрируется некоторая агрессивность (глаза сдвинуты к центру, рот – прямая линия, руки подняты вверх). В изображении русского текста девочка – с аккуратной прической. Эта деталь характерна также для других рисунков русского текста: изображены тщательно выполненные прически – „хвостики”, волнистые волосы).

Среди **единично представленных элементов** для текста на родном языке можно отметить более частое использование изображений живых существ (Пегаса, змеи, сперматозоидов), природы, для текста на иностранном языке – изображений объектов с отрицательной валентностью (К. Левин) (могилы, виселицы, меча, разящего голову). В целом рисунки русского текста характеризуются большей конкретностью, детализацией: для английского текста – дерево без прорисовки корней и кроны (исключение составляют только ели – „лес дремучий”), для русского – береза, дуб, яблоня с прорисовкой листьев и плодов. В рисунках для русского текста часто встречается увеличение, укрупнение избранных общих для обоих видов текстов элементов, приумножение их числа (для английского текста – единственная книга, для русского – стопка книг). К английскому тексту надо прислушиваться (кассета), в него требуется всматриваться (очки, лупа), то есть как стимул он демонстрирует меньшую интенсивность.

Рисунки демонстрируют неразделимость для испытуемых текста и культуры страны, о чем свидетельствует использование традиционных символов, неотделимых от представлений о национальной культуре: для английского текста – *карты Британских островов, Вестминстерского моста, американского флага, башни Биг-Бен, небоскребов, замка, крепости*; для русского текста – *лаптей, березы, лугов и полян, избы*. На особенностях изображения последнего символа остановимся подробнее. *Дом*, как правило, деревянный, прорисованы окна, двери, труба, из которой идет дым. *Двери*, как правило,

открыты, часто рядом с дверью, или в проеме изображена фигура человека. Характерными деталями являются дерево рядом с домом (береза или яблоня), забор вокруг дома. В одном случае это „избушка на курьих ножках” – типичное изображение для русского фольклора.

Рассматривая особенности использования испытуемыми архетипического образа человека, нельзя не отметить различия в изображении одежды и различных аксессуаров, которые ярко проявляются при сравнении нарисованных мужчин. В рисунках для английского текста встречаются такие детали внешнего облика, как трость, цилиндр, очки, костюм с выглядывающим из верхнего кармана носовым платком. Внешний атрибут „цилиндр” используется и в другом случае, когда человек – часть композиции, на которой – улица в проекции, фигурка маленького человека в плаще, в цилиндре и с зонтом, автобус Decker. В описании испытуемым этого рисунка отражается стереотипное представление об Англии: „Английский текст ассоциируется у меня с Англией, с туманной дождливой погодой, с английским консерватизмом и чопорностью”. Для русского текста в изображениях мужчин представлены детали специфических для России мужских головного убора (шапка-ушанка) и одежды (телогрейка, рубаха, кушак, лапти). Кроме того, на мужских лицах прорисовывается борода или щетина.

Анализ надписей на рисунках, а также комментариев к ним показывает, что для испытуемых оказалось несущественным различие между текстом и языком (как средством передачи текста) („Большая часть английского языка мне неизвестна (черный ящик), а известную часть я использую технически в основном”), а также между языком и речью. В надписях нередко находят отражение трудно передаваемое в рисунке отношение к тексту и языку. Для текста на родном языке это – различные оттенки позитивного отношения („удовольствие, открытие”, „легко и ясно”, „душа”, „порядок”, „так же просто, как выпить стакан воды”, „русский язык – родной, ласковый и понятный”, „сложный, красивый, множество значений слов” „русский текст – солнечный, приятный”, „дом, цветочная поляна, яблоня – дача”, „родное, понятное, светлое, земное”).

К тексту на иностранном языке отношение противоречивое („ужас”, „дебри, лес дремучий, но с солнечным просветом”, „английский язык загадочен и пока недоступен, но к нему есть ключ”), с преобладанием негативных характеристик (иностранный: линия кривая, зубристая, сложная”, „книжность, закрытость, заумность”, „иностранный язык – что-то неуверенное, напряженное...”). Английский текст и язык чаще ассоциируется с устной речью и описывается как воспринимаемый на слух („звучный”), русский текст и язык в большей мере связан со зрительной модальностью („красочный”).

Комментарии к изображению русского текста отличаются большей связностью и целостностью, использованием цитат („Умом Россию не понять”, „Улица. Фонарь. Аптека”) и афоризмов. Надписи на рисунках английского

текста более лаконичны и вместе с тем фрагментарны (например, используется набор английских слов или даже артиклей, разделенных отточиями, ряд математических формул), используемые метафоры более сложны (примером может служить подпись „вешалка” под соответствующим рисунком).

Книги на рисунке для родного языка имеют надписи: чаще всего это фамилии классиков русской литературы – А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой (с единственным случаем указания заголовка произведения – *Война и мир*), а также А.П. Чехов, А.А. Фет, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, указана и Библия. На рисунках для иностранного языка изображения книг маркируются как учебники, словари, и лишь в единственном случае приведено название пьесы В. Шекспира *Ромео и Джульетта*.

В целом можно отметить, что несмотря на отсутствие в инструкции указания как-либо оценивать стимул – текст вообще, при рисовании образа текста неизбежно производится его оценка по шкале понятности. Для иностранного текста активизирована та ее часть, которая связана с низкими или даже отрицательными значениями („непонятен смысл”, „хаос смысла”, „не до конца понятен смысл”, „сумбур”, „непонятное, незнакомое, выше понимания”, „малопонятный текст”). Испытуемые осуществляют рефлексию процесса декодирования: отмечают „проблему с кодированием”, „разницу в количестве получаемой информации за одинаковое время”, „необходимость вдумываться в знаки”. Для русскоязычного текста характерны высокие оценки понятности содержания (ясности, определенности), которые совмещаются с отображением формы текста в целом (четкости, простоты), без дробления на фрагменты.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о существовании образных репрезентаций такого социально значимого объекта, как текст. Они характеризуются слитностью, нерасчлененностью текста и культуры, текста и языка, текста и речи. Выявлены их особенности для текста на русском (как родном) и английском (как иностранном) языках на выборке студентов – жителей России. Образ русскоязычного текста у них характеризуется большей позитивностью, целостностью, детализацией, интенсивностью, тесной связью с русской культурой и историей. В дальнейшем было бы интересно сравнить образные репрезентации русского текста у носителей русского языка и у изучающих его иностранцев.